

Л. В. МИЛОВ

**ЛЕГЕНДА ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?
(О НЕИЗВЕСТНОЙ РЕФОРМЕ
ВЛАДИМИРА
И ПРАВДЕ ЯРОСЛАВА)**

Двадцать лет тому назад автору этих строк удалось доказать, что текст византийского свода законов VIII века (Эклога), фигурирующий под названием "Леона и Константина верная цесаря" в сборнике "Мерило Праведное", представляет собой полный перевод памятника, сделанный не в Болгарии (как считалось в литературе), а в Древнерусском государстве¹. Основным аргументом в пользу древнерусской принадлежности перевода послужил анализ характера лексики. Иначе говоря, в так называемом славянском переводе была выявлена довольно солидная группа древнерусских юридических терминов, отражающих языковые явления, которые возникли уже в период после миграции части восточных славян из Среднего Поднепровья на Балканы (VI - начало VIII в.). В частности, речь идет о широком употреблении в полном переводе Эклоги термина "задни❖ца" в значении выморочного или незавещанного имущества. Этот термин встречается в переводе ряда статей (V. 6. 7; VII. 1; XVI. 5) текста Эклоги. В старославянских (древнеболгарских) текстах такого термина нет. Там есть лишь праславянское "задни❖ца" в первичном понятии "седалище", т.е. место, которым человек сидит.

К числу важных особенностей древнерусского перевода Эклоги относятся и его неточности, свидетельствующие о невозможности адекватного перевода богатой юридической терминологии Византии VIII в. на язык гораздо менее развитого общества. Так, в серии статей Эклоги, посвященных проблеме легатов (посмертных даров) и легатариев (тех лиц, которым легаты завещаны), древнерусский переводчик также употребил термин "задни❖ца" (VI. 7, 11, 12 и др.). Иначе говоря, переводчик не стал (не мог!) делать различие между понятием "оставшегося после умершего имущества" и "посмертного дара", которым в Византии распоряжался основной наследник, передавая легат другим лицам (легатариям). К числу чисто русских приемов работы переводчика относится передача термина "легатарий" словом "задничник", что, возможно, было новообразованием.

¹ Миров Л.В. О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII века (Эклоги). // История СССР. 1976. N 1. Иная точка зрения может быть представлена рядом работ. См.: *Saturnik Th. Pzispvky k širehi byzantského práva u slovanu*. Prg., 1922; *Васильевский В.Г.* Законодательство иконоборцев // Труды В.Г.Васильевского. Л., 1930. Т.IV; *Андреев Мих.* Римское право и славянскато Еклога: (за някои отклонения на славянската Еклога от римското право) // Годишник на Софийская университет, Юридически факультет. 1959. Т. 1(50); *Ганев В.* Закон Соудный людемъ. Правно-исторически и правно-аналитически проучвания. София, 1959; и др.

фигурирует только термин "приставник". Это обстоятельство говорит о глубоком архаизме данного перевода.

Разумеется, установление факта перевода в Древней Руси византийского свода законов начала второй четверти VIII столетия интересно само по себе. Тем не менее, гораздо важнее вписать этот факт в некую систему, в реальную ткань истории Древнерусского государства. Следовательно, главные усилия исследователя должны быть направлены на установление причины и времени этого перевода.

В статье автора этих строк, вышедшей в 1976 г., было высказано осторожное предположение, что перевод этот, обладающий признаками большой древности, мог быть совершен не позднее XI века⁴. А в 1986 г. в другой работе древнерусский перевод Эклоги был увязан уже с серией мероприятий Владимира Святославича конца X столетия⁵. Однако столь ответственное предположение должно быть аргументировано более основательно, чем это можно было сделать в статье общего характера. Дело в том, что "Повесть временных лет" под 996 годом сохранила суммарную характеристику государственной деятельности Владимира после 988 года. В этом тексте, в частности, есть довольно глухой, а по стилю, пожалуй, и легендарный отзвук несколько загадочного, но крайне интересного мероприятия киевского князя Владимира Святославича.

Вот эти скупые и даже в чем-то наивные, вызвавшие в свое время недоверие ряда историков, строки: *Живяше же Володимер в страхе божьи. И умножишиися (зело) разбоеве. И реша епископы Володимеру: "Се умножишиися разбоиницы. Почто не казниши их?" Он же рече им: "Боюся греха". Они же реша ему: "Ты поставлен еси от Бога на казнь злым, а добрым на милование. Достойт ти казнити разбойника, но с испытанием". Володимер же отверг виры, нача казнити разбойники*⁶. Столь кардинальные советы епископов не являются неправдоподобными хотя бы потому, что митрополит Иларион, как бы обращаясь в "Слове о Законе и Благодати" к киевскому князю Владимиру, прямо говорит об участии епископов-греков в законотворчестве (*Ты же съ новыми нашими отцами епископы сънимаея чясто, съ многым съмерениемъ съвещавашася, како въ человецехъ сихъ, новопознавишихъ Господа, законъ уставити*)⁷.

Иначе говоря, летопись сообщает нам, по сути, о важнейшей реформе в области судебных наказаний. Владимиром была отменена система судебных штрафов в виде вирных платежей. Более того, есть все основания полагать, что киевский князь, только что принявший

⁴ Милов Л.В. О древнерусском переводе... С. 163.

⁵ Милов Л.В. Некоторые вопросы истории культуры Древней Руси // Вестн. Московского ун-та. Сер. 8, история. 1986. N 6. С. 36-37.

⁶ ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. Стб. 126-127. И.Ф.Г. Эверс считал, что данное сообщение летописи "быть может вымысел позднейшего времени или, если не вымысел, то, по крайней мере, обезображенное за недостатком точности сказание о каком-либо истинном, впрочем, происшествии". См.: Эверс И.Ф.Г. Древнейшее русское право. СПб., 1835. С. 318-320. А.Рейц также считал, что "летописец мог отнести к прошедшему то, что было в употреблении в его время. Может быть, этот случай относился к выкупу при убийстве княжеских слуг, за коих и виру вносил сам князь". Рейц А. Опыт истории российских государственных и гражданских законов. М., 1836. С. 35.

⁷ Розов Н.Н. Синодальный список сочинений Илариона – русского писателя XI в. // Slavia: Časopis pro slovanskou filologii. Ročník XXXII. Pr., 1963. Seš. 2. S. 167-168. Думается, что приведенный текст Илариона подчеркивает излишнюю осторожность и даже надуманность утверждения М.Б.Свердлова о том, что в летописной легенде о вирах и казнях "епископы и старцы имеют для рассказа лишь композиционное значение" (ведь тут явная схожесть с позицией И.Ф.Г. Эверса и А.Рейца). См.: Свердлов М.Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988. С. 80.

христианство и крестивший "всю Русь", ввел систему физических наказаний ("казни") за преступления, как граничащие с убийством, так и за собственно убийства. Юридической основой этой весьма кардинальной реформы стал византийский свод законов Эклога. Для этой цели и был предпринят, вероятнее всего, в Киеве, перевод его на древнерусский язык. Разумеется, дата 996 г. условна, ибо речь идет о правовой реформе, требующей значительного времени. Очевиднее всего, эта реформа осуществлялась уже после создания митрополичьей кафедры в Киеве, в период образования епископий. По некоторым данным, святителя Михаила в 990 г. в поездке в Новгород сопровождало шесть епископов, Добрыня и Анастас Корсунянин. А в Ростовской земле он был с четырьмя епископами. Вслед за крещением в Новгороде и Ростове были поставлены епископами Иоаким и Федор⁸. Иначе говоря, структура новой, христианской церкви была сформирована, по крайней мере на элементарном уровне, уже в 90-е годы X в.

Предложение круто изменить систему традиционных наказаний, судя по летописной легенде, сделанное епископами-греками, диктовалось скорее всего целостным восприятием системы церковно-светского права Византии и ее особым вниманием к охране лиц из числа священнослужителей, что для вновь формирующейся системы русской церковной иерархии было далеко немаловажно. Здесь стоит напомнить об археологическом подтверждении раскопками в Новгороде под руководством В.Л. Янина считавшихся легендарными сведений Иоакимовской летописи В.Н. Татищева о бурном сопротивлении крещению части новгородцев и подавлении этого сопротивления киевской "христианской вооруженной миссией" во главе с Добрыней. С огнем и мечом проповедовал христианство и Путята. Первые епископы Ростова - Федор и Иларион - бежали, как известно, от гнева язычников, и т.д.

Для введения на Руси суровых византийских законов, основанных на системе физических наказаний вплоть до смертной казни, какие-то предпосылки, по-видимому, были. Об этом, в частности свидетельствуют некоторые статьи русско-византийских договоров 911 и 945 гг.⁹ В них санкция за убийство устраивала обе договаривающиеся стороны, ибо месть за убийство по принципу талиона и смертная казнь за убийство, существовавшая в Византии еще со времен Юстиниана, совпадают по своей сути. Поэтому в договоре Олега 911 г. за убийство полагалось убить преступника, без уточнения, кто и как это сделает¹⁰. В договоре 945 г. предпринята частичная уступка русской стороне, так как вставлен пассаж: "...то да задержат убийцу родственники убитого", которые и убивают преступника¹¹. Это уже по существу является кровной мстостью, санкционированной международным договором.

Еще ошутимее влияние русского обычного права чувствуется при решении проблемы возмездия в случае бегства убийцы. Договор Игоря здесь гласит, что, если убийца "имущий", то родственники убитого забирают его имущество (впрочем, в договоре Олега в этой статье есть уточнение: забирают узаконенную часть и какая-то еще часть остается у жены

⁸ Макарий (Булгаков). История русской церкви. М., 1995. Кн. 2. С. 20.

⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 33 - 36, 46 - 53.

¹⁰ Там же. Стб. 34.

¹¹ Там же. Стб. 51.

убийцы)¹². По сути эта санкция является реализацией штрафной системы русского обычного права в виде "головничества", т.е. возмещения ущерба родственникам убитого. Однако заключительный вариант ситуации с убийством, рассмотренной в договоре 945 г., снова ближе к византийскому праву: при бегстве неимущего убийцы его ищут и в конце концов убивают. Самое же важное заключается в том, что делает это (как следует из договора 911 г.) государственная власть, так как в течение всего поиска беглеца на него существует судебное дело (да держится тяжи)¹³. Здесь уже нет и следа от кровной мести, ибо действует византийский закон.

Думается, что такая практика на Руси начала и середины X в. создавала некоторую юридическую возможность введения в конце того же века византийских уголовных законов. В этой связи уместно вспомнить, что еще в конце 60-х годов нашего века А.Поппе был склонен характеризовать введение Владимиром Святославичем "казни" как попытку "прибывшего из Византии высшего клира" повлиять на судебные решения в духе "византийских норм"¹⁴. Теперь это предположение удивительно логично подтверждается фактом существования Эклоги в древнерусском переводе, сделанном, скорее всего, в Киеве под патронатом церкви на основе новейшей модификации этого византийского свода, произведенной где-то в конце IX в., видимо, до появления Прохирона (*Ecloga privata*). Характер свода, созданного в ответ на "запросы" освоенных Византией варварских территорий, по мнению реформаторов, вполне соответствовал эпохе Руси конца X - начала XI в.

Епископы Владимира, предложившие ему отказаться от взимания вирных платежей и ввести в действие византийские законы, вероятнее всего, использовали дошедший до нас древнерусский перевод Эклоги, включенный затем на каком-то этапе в юридический сборник "Мерило Праведное", ибо в ней содержались нормы наказаний за убийство и за ряд правонарушений, граничащих с убийством, чреватых убийством и т.п.¹⁵ Наказания эти сосредоточены главным образом в XVII титуле Эклоги (ст. 45, 46, 47, 48, 49, 50), а более полудесятка преступлений, предусмотренных Эклогой, могут квалифицироваться как "мягкие формы" разбоя (XVII. ст. 1, 4, 5, 13, 14, 16, 24, 30)¹⁶. За все эти преступления полагалась не только смертная казнь, но и другие виды "казни": членовредительство (отсечение руки, языка, носа), а также наказание плетью, изгнание и т.п.

В доказательство высказываемой гипотезы попытаемся прежде всего найти аргументы в тексте собственно древнерусского перевода Эклоги. Он в целом в точности повторяет основную структуру исходных греческих текстов (в варианте *Ecloga privata*) как по порядку

¹² Там же. Стб. 34.

¹³ Там же.

¹⁴ *Poppe A.* Płstvo i k? scio na Rusi w XI wieku. Warszawa, 1968. S. 222; *Idem.* Le prince et l'Eglise en Russie de Kiev depuis la fin du X siècle et Jusqu' a d'but de XII^e si?le // Acta poloniae historica. Wroclaw; Warszawa; Krak? w, 1969. 20. S. 105. Следы влияния византийского права усматривали в этом акте: *Сергеевич В.И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. 3-е. Изд. СПб., 1903. С. 383 *Черепнин Л.В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 153.

¹⁵ Об этом см.: *Милов Л.В.* О происхождении Пространной Русской Правды // Вестн. Московского ун-та. Сер. 8, история. 1989. N 1.

¹⁶ Эклога. С. 72 - 73, 68- 71.

титулов ("зачатков"), так и по разбиению их на отдельные статьи или параграфы. В частности, варианту *Ecloga privata* четко соответствует перестановка XVI титула в текст между V и VI титулами. Вместе с тем в отличие от греческих текстов в русских списках в VIII титуле нет статей 8 и 9, а XVIII титул слит с XVII титулом, и притом поставлен он впереди XVII титула под общим номером¹⁷. Существенным отличием, позволяющим говорить о своеобразной древнерусской редакции Эклоги, является стремление переводчика-юриста дать титулам Эклоги более подробные, чем в оригинале заголовки. Больше того, он ввел особые заголовки к отдельным статьям почти всех титулов Эклоги или к целым группам статей, объединенных в единые новые разделы тех или иных титулов.

Степень обобщения таких статей весьма различна. Так, объединение статей в весьма крупные разделы характерно для титула XIV ("О свидетелях, достойных доверия и неприемлемых")¹⁸. В древнерусской редакции этот титул обозначен как "Зачаток 15. О послухах верных и неверных" и имеет всего два раздела, первый из которых объединил текст статей 1 - 9, а второй соединил статьи 10 - 13. А последние две статьи (14 и 15) оставлены без изменений, но обрели свои особые заголовки¹⁹. Титул XV ("О мировых сделках"), состоящий из трех параграфов, в древнерусском варианте дан единым слитным текстом. В первом титуле ("Об обручении и расторжении обручения") объединены лишь первые три статьи; а второй ("О заключении браков между христианами") подвергся максимальному объединению: слиты в единые разделы статьи 2 - 3, 6 - 8, 9 - 10, 11 - 12 и 14 - 15. Все новые разделы обрели особые заглавия²⁰. Кардинально обобщен также и титул XVI ("О воинском собственном имуществе... и о клириках и хартуляриях"). Из пяти больших статей древнерусский юрист скомпоновал два раздела ("главы" 1-2 и 3-5)²¹. В титуле VIII ("Зачаток 9. Об освобождении написанном и ненаписанном") первые пять статей даны как единый раздел, а статьи 6 и 7 имеют свои заголовки. Статьи 8 - 9 отсутствуют, а в них шла речь о рабах, попавших в плен²². В титуле X ("О займе, устном и письменном") объединены первые три статьи, а остальным двум даны особые заглавия²³. Наконец, в VI титуле ("О наследующих без завещания, о легатах и исключенных из завещания лиц неблагодарных") объединены статьи: 1 - 2, 3 - 6, 7 - 10, 11 - 13, фигурирующие под особыми заголовками (в переводе этот титул обозначен как "Зачаток 7")²⁴. И, наоборот, все восемь статей V титула ("О лицах, не имеющих права завещания") в древнерусской редакции сохранены в неприкосновенности и имеют свои заглавия²⁵.

¹⁷ Мерило Праведное по рукописи XIV в. М., 1961. (Далее: Мерило Праведное). С. 359 - 362, 368, 379, 381 - 393.

¹⁸ Эклога. С. 63 - 64; *Ecloga*. S. 214.

¹⁹ Мерило Праведное. С. 375 - 378.

²⁰ Эклога. С. 65; *Ecloga*. S. 218; Эклога. С. 44 - 45; *Ecloga*. S. 168 - 170; Эклога. С. 45 - 49; *Ecloga*. S. 170 - 183; Мерило Праведное. С. 379, 340 - 342, 342 - 352.

²¹ Эклога. С. 66 - 67; *Ecloga*. S. 220 - 224; Мерило Праведное. С. 359 - 362.

²² Эклога. С. 56 - 57; *Ecloga*. S. 200 - 204; Мерило праведное. С. 367 - 369.

²³ Эклога. С. 59 - 60; *Ecloga*. S. 204 - 208; Мерило Праведное. С. 370 - 373.

²⁴ Эклога. С. 54 - 55; *Ecloga*. S. 192 - 196; Мерило Праведное С. 362 - 366.

²⁵ Эклога. С. 52 - 53; *Ecloga*. S. 188 - 192; Мерило Праведное С. 355 - 359.

Таким образом, можно предположить, что древнерусские юристы проявили разную степень интереса к тем или иным разделам византийского свода законов. То, что их меньше заинтересовало или было хорошо отражено в традиционном обычном праве (тителы о свидетелях, о воинском пекулии и др.), подверглось более кардинальной редакционной структуризации. Какая-то часть титулов в то же время была структурирована более мягко, и это выдает вполне определенный интерес к данным сюжетам (например, о заключении браков между христианами, о наследующих без завещания). Наконец, наиболее актуальные для древнерусского общества юридические разделы византийского права не только не подверглись обобщениям и укрупнениям параграфов, а, наоборот, каждая статья таких разделов выделялась своим, особым заголовком.

Помимо титула V ("О лицах, не имеющих права завещания") таким остро актуальным разделом Эклоги стал XVII титул "О казнях"²⁶. В древнерусском переводе из 52 статей объединению подверглись только ст. 19 - 20 и 42 - 44. Статья 31 в тексте оказалась пропущенной. Остальные 46 статей, как бы ни был мал их текст (т.е. текст какой-либо из них), выделялись особыми заглавиями (к тому же в рукописях заголовки выполнялись яркочерной кинварью)²⁷. Но это еще не все. В титуле XVII древнерусский юрист довольно неожиданно произвел кардинальную структурную перестройку порядка расположения практически всех 52 статей (см. таблицу 1)²⁸.

Таблица 1
Расположение статей титула XVII Эклоги в древнерусской редакции*

Порядковый N статьи		Порядковый N статьи		Порядковый N статьи	
греч. текст	древнерус. текст	греч. текст	древнерус. текст	греч. текст	древнерус. текст
1	(1)	18	43	35	26
2	(2)	19	17	36	15
3	3	20	17	37	42
4	30	21	18	38	(20)
5	29	22	19	39	(21)
6	44	23	24	40	46
7	49	24	12	41	32
8	47	25	40	42	23
9	48	26	41	43	23
10	36	27	9	44	23
11	37	28	45	45	4
12	38	29	16	46	5
13	28	30	10	47	7
14	33	31	(13)	48	8
15	31	32	11	49	6
16	34	33	14	50	27
17	35	34	25	51	22

²⁶ Эклога. С. 68 - 73; Ecloga. S. 226 - 242.

²⁷ Мерило Праведное. С. 383 - 393. Статья 31 греческих списков Эклоги имела в древнерусской версии номер 13, но ее нет во всех списках, а нумерация идет с пропуском (12, 14 и т.д.).

²⁸ Эклога. С. 68 - 73; Ecloga. S. 227 - 243; Мерило Праведное. С. 381 - 393.

* В скобках обозначены утраченные в рукописи статьи.

В древнерусской редакции после текста титула XVIII "О разделении добычи" ("О разделении корысти"), который начинал объединенный из XVII и XVIII титулов текст, видимо, следовали, как и в греческом тексте, три первые статьи (первая - о праве какого-либо провинившегося субъекта укрыться в церкви и праве иерея обеспечить законное расследование в отношении его; вторая - о ложной клятве на евангелии, и третья - о заговорщиках и поднимающих восстание против императора)²⁹. Затем в порядке расположения статей греческого текста происходит резкое изменение. За первыми тремя сразу же идут ст. 45, 46, 47, 48 и 49. В древнерусской редакции им присвоены теперь номера глав: 4, 5, 7, 8 и 6. Последующие главы древнерусского текста (9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20 и 21) взяты из самых разных мест греческого текста (это 27, 30, 32, 24, 31, 33, 36, 29, 19, 20, 21, 22, 38 и 39 статьи Эклоги)³⁰.

В чем же смысл такой резкой трансформации древнерусской структуры титула XVII Эклоги? Отчасти на этот непростой вопрос можно ответить следующим образом. Порядок статей в титуле XVII продиктован их актуальностью, их прямым практическим назначением в ходе реформ Владимира Святого и связан с двумя важнейшими факторами в жизни общества: а) крещением населения страны и б) резким обострением преступности (так называемого "разбоя"). Именно поэтому вслед за статьями, направленными на мощную поддержку новой религии и борьбу с выступлениями против нее и государственной власти вообще, в древнерусской редакции Эклоги сразу же следуют статьи 4 и 5 (45, 46) о карах за преднамеренное убийство, за удар мечом, повлекший смерть или ранение потерпевшего. В 6 - й главе (ст. 49) разбирается факт смерти раба от плетей или палочных наказаний (что не карается), а также от отравления ядом, истязаний или пыток огнем, т.е. тех случаев, когда смерть раба наказывается той же карой, что и убийство. В главе 7 (ст. 47) предусмотрена кара за драку (схватку), в итоге которой последовала смерть от удара дубиной или тяжелыми камнями или от удара ногой (за что отсекалась рука). Предусмотрена была и смерть от ударов более легкими предметами, что наказывалось плетью и изгнанием. В особой главе 8 (ст. 48) речь идет о смерти от удара рукой в драке.

Нетрудно увидеть, что эта серия статей, санкционирующих суровые кары за убийства, удивительно созвучна легендарному тексту "Повести временных лет" (*И умножишиа зело разбоеве. И реша епископы Володимеру: се умножишиа разбоеве, почто не казниши их?*), т.е. ситуации, продиктовавшей введение жестоких византийских законов³¹. Правда, из серии статей, завершавших XVII титул Эклоги, была забыта ст. 50, которая посвящена собственно "разбойникам и устраивающим засады", она не попала в древнерусскую последовательность статей 4, 5, 7, 8 и 6. Это, конечно, странно, так как она как бы и должна была

²⁹ Еще на первом этапе данного исследования было установлено, что архетип всех сохранившихся ныне текстов древнерусской редакции Эклоги имел в титуле XVII дефект, заключающийся в отсутствии (утрате) текста первых двух статей и начальной части третьей статьи. См.: *Милов Л.В.* О древнерусском переводе ... С. 143 - 144.

³⁰ Эклога. С. 69 - 72; *Ecloga*. S. 230 - 236. На эти изменения в общей форме указывал еще В.Г. Васильевский, которому был известен лишь текст Печатной Кормчей 1650 г. В.Г. Васильевский обратил внимание только на то, что этим изменениям нет аналогов ни в одном известном ему греческом списке Эклоги. См.: *Васильевский В.Г.* Указ. соч. С. 185 - 186.

символизировать буквальную связь текста летописи об "умножившихся разбоях" с вводимыми законами. Однако не исключено, что при спешной работе древнерусских кодификаторов (а о следах спешности, об огрехах в создании своей, древнерусской юридической терминологии было сказано нами еще в 1976 г.)³² ее действительно забыли вставить в эту серию, может быть, в силу чистой случайности. Например, при переписке "нового зачала" в оригинале ст. 50, заключающая эту серию, могла оказаться на обороте листа и ее не заметили и перешли сразу же к другим темам. Поэтому кодификатор включил ее потом уже в другое место титула XVII (в древнегреческом варианте статья под заголовком "О разбойницах" стоит как "глава 27")³³.

Не менее важным обстоятельством является и другая особенность новой структуры титула XVII. Вслед за рядом статей о различного рода убийствах идет большая серия статей, направленная на укрепление семьи и новой христианской морали в отношениях мужчины и женщины. Первой из них идет "глава 10" (ст. 30) о карах за изнасилование девушки. Уточняющая ее ст. 31 греческого текста об изнасиловании несовершеннолетней (до 13 лет), вероятно, древнерусским кодификатором была опущена, так как ее действие покрывается главой 10 (статья эта была бы 13-й, хотя в общем счете она учтена). Далее рассмотрен сюжет, касающийся бесчестия чужой невесты (даже с ее согласия). Это "глава 11" (ст. 32). В "главе 12" речь идет о похищении девушки или монахини (ст. 24). Вслед за ней в древнерусской структуре титула XVII поставлена большая "глава 14" (ст. 33), где предусмотрены суровые наказания за кровосмешение и пренебрежение свойством в рамках большой патриархальной семьи (родители - дети, братья с сестрами, что влекло смертную казнь, далее отец со снохой или сын с мачехой, отчим с падчерицей и т.д.). В рубрике "глава 15" (ст. 36) рассмотрен вопрос о жене, забеременевшей от другого и пытающейся вытравить плод. Под №16 идет текст ст. 29 о вступлении в связь с девушкой с ее согласия, но без ведома родителей, что завершается или браком, или откупом, размер которого зависит от состоятельности соблазнителя. Под "главой 17" объединены статьи 19 и 20 Эклоги о женатом и неженатом развратнике. В "главе 18" речь идет о связи женатого со своей рабой, а в "главе 19" - с чужой рабой (ст. 21, 22). "Главы" 20 и 21 в древнерусских списках в виду дефекта протографа отсутствуют, но они были в оригинале и речь в них шла о мужеложестве и скотоложестве (ст. 38 и 39)³⁴. Под номером 22 в новой структуре дана статья 51 о клеветниках, а под номером 23 - группа статей Эклоги (42, 43, 44), рассматривающих случаи отравления жены мужем или мужа женой, о наказаниях за колдовство, знахарство и изготовление амулетов. Далее "глава 24" посвящена соблазнению монахини (ст. 23), "глава 25" - связи мужчины с женщинами, являющимися по отношению друг к другу матерью и дочерью, а следующая "глава 26" - двоеженцу (ст. 34 и 35). Наконец, "глава 27" - это забытая кодификатором статья "О разбойницах" (ст. 50).

³¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 126 - 127.

³² См.: Милов Л.В. О древнерусском переводе. С. 145 сл.

³³ Мерило Праведное. С. 387.

³⁴ Там же. С. 386.

Таким образом, в этой серии статей (10 - 26) сконцентрированы меры пресечения наиболее важных для только что принявшего новую религию общества правонарушений в области христианской морали. Вместе с тем и в остальных статьях титула XVII, отодвинутых во вторую половину текста, есть немало сюжетов, имеющих прямое отношение к проблеме отношений мужчины и женщины (по греческой структуре это ст. 4, 6, 14, 15, 25, 26, 28, 37 и 52). Остальные же 13 статей можно отнести к области чисто светского права.

На наш взгляд, из приведенных выше наблюдений вполне может быть сделан вывод о том, что за глухим летописным легендарным сказанием о мерах против "умножения разбоев" скрывалась крупная правовая реформа, представлявшая собой только введение целой серии жестоких наказаний за предумышленные убийства и разбойные нападения, но и попытку внедрения византийского правового обеспечения норм христианской половой нравственности и морали, охраны церкви и служителей культа. Реальным средством этой политики должен был стать прежде всего комплекс правовых установлений, сосредоточенных в титуле XVII Эклоги.

Наконец, еще один немаловажный вывод. Изменения в структуре перевода Эклоги в виде новой компоновки статей, появление в тексте многочисленных заголовков к статьям и группам их, полная структурная перестройка титула XVII - все это, пожалуй, исключает возможные предположения о том, что древнерусский перевод Эклоги первоначально мог бы находиться в составе какой-либо из Кормчих книг, попавших тем или иным путем на Русь. Ведь в Кормчих книгах, не говоря о греческих Номоканонах, тексты императорских законов обычно изменялись очень незначительно. Что же касается древнерусского перевода Эклоги, попавшего в конечном счете в юридический сборник "Мерило Праведное", то он был вероятнее всего создан в ходе готовящейся Владимиром реформы системы судебных наказаний как части целой серии мероприятий, связанных с принятием христианства.

Однако, видимо, довольно быстро практика стремительного перехода к принципам византийских наказаний потерпела крах. В рассказе летописи о событиях, связанных с отменой *вир* и введением "казни", несомненно изложена история довольно протяженного периода действия византийских норм права. И через какое-то время (5 или 10 лет - об этом можно только догадываться) те же видные деятели государства забили тревогу: "госбюджет" терпит крах! Летопись об этом лаконично сообщает: *И реша епископы и старцы: "Рать многа, оже вира - то на оружьи и на коних буде". И рече Володимир: "Тако буди!". И живеше Володимир по устроенью отню и дедню*³⁵. Таким образом, с прекращением поступлений в княжескую казну "вир", а, возможно, и "продаж", она опустела. А ведь рента-налог играла в функционировании государственного механизма Древней Руси жизненно важную роль, в частности это поддержка дружины оружием и т.п. Поэтому в конечном счете оказалось, что отмена системы судебных штрафов невозможна и древнерусское общество вновь вернулось к традиционным порядкам.

Возникает законный вопрос: неужели столь масштабная попытка судебно-правовой реформы оставила след только в виде простодушно наивной и на редкость лаконичной легенды; неужели можно было так легко вернуться к старому, не оставив в правовых

³⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 126 - 127.

памятниках никакого, даже, так сказать, отрицательного отражения?! А может быть, будучи в истории древнерусского права сугубо негативным моментом, эта реформа хоть как-то, но сказалась на последующем законодательстве Древней Руси? В этой связи пристального внимания заслуживает знаменитая Правда Ярослава, ибо она является памятником, хронологически ближайшим к неудавшейся реформе Вльдимира Святославича. Ведь, если признать достоверным факт практического применения в Древней Руси Эклоги, то само появление Правды Ярослава, пожалуй, впервые за долгий период ее изучения получает новую мотивацию.

Историки еще со времен В.Н. Татищева считали, что Новгородская первая летопись младшего извода довольно ясно обрисовала историю появления Правды Ярослава, согласно которой после победы над братом своим Святополком Ярослав в 1016 г. одарил новгородцев за участие в борьбе за киевский стол деньгами, "давь им правду и уставъ списавъ"³⁶. Этой точки зрения придерживались Н.М. Карамзин, И.Д. Беляев, Н. Ланге, П.И. Беляев, И.И. Яковкин, А.И. Стратонов, Б.Д. Греков, Л.В. Черепнин, А.А. Зимин, М.Б. Свердлов. Л.В. Черепнин кроме того считал, что Правда Ярослава была предназначена для защиты местного новгородского населения от вооруженных варяжских дружинников. Больше того, он писал, что по сути своей Правда Ярослава является договором ("рядом") новгородского общества и корпорации варягов³⁷. Ряд историков был не согласен с такой гипотезой. Так, С.В. Юшков полагал, что "утверждение Л.В. Черепнина о том, что весь смысл появления Правды Ярослава заключался в стремлении новгородского мира оградить себя от притеснений варяжской дружины, основано на крайнем преувеличении ее роли в жизни Киевского государства и Великого Новгорода в частности"³⁸. Вслед за С.В. Юшковым против трактовки Л.В. Черепнина выступил М.Н. Тихомиров ("при таком понимании Древнейшей Правды резко снижается ее значение как памятника русского законодательства. Самим варягам придается чрезмерно большое значение, как главной княжеской опоре"³⁹). Наконец, в 1956 г. резко возражал Л.В. Черепнину и Б.А. Рыбаков, считавший, что никаких элементов двустороннего договора в Правде Ярослава нет, хотя в целом трактовка Л.В. Черепниным Древнейшей Правды как способа защиты новгородцев от варягов-наемников у исследователя возражений не вызывала⁴⁰. Иначе говоря, дата 1016 г. как время появления этого памятника Б.А. Рыбаковым была принята. Напротив, М.Н. Тихомиров и С.В. Юшков считали, что появление Древнейшей Правды следует отнести к более позднему периоду - 30-м годам XI в. (М.Н. Тихомиров - к 1036 г.)⁴¹. Особое место занимает позиция А.А. Зимина. Он считал, что, взяв Киев и вознаградив новгородцев (деньгами. - Л.М.), Ярослав даровал Правду всем, а не только новгородцам⁴².

³⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. М.; Л., 1950. С. 175 - 176.

³⁷ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV - XV вв. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 245 - 248.

³⁸ Юшков С.В. Русская Правда: Происхождение, источники, ее значение. М., 1950. С. 282.

³⁹ Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды. С. 15, 17 (примеч.).

⁴⁰ Рыбаков Б.А. Из истории культуры Древней Руси: Исследования и заметки. М., 1984. С. 78. Примеч. 27.

⁴¹ Памятники русского права. Вып. 1. С. 75.

⁴² Там же. С. 74.

Подобная разногласия в значительной мере объясняется нечетким текстом самой Новгородской летописи, а также наличием в ней не столько Древнейшей Правды, сколько так называемой Краткой редакции Русской Правды, включившей в себя и Правду Ярослава, и Правду Ярославичей. А появление ее давно датировано лишь второй половиной XI в. На это обратил внимание еще А.А. Шахматов. Развивая скепсис этого ученого-текстолога, С.В. Юшков подчеркнул, что в летописи новгородцам даруются какие-то финансовые льготы, а не Правда. Притом сама Правда это не "уставная грамота", о которой идет речь в летописи, а "сборник уголовно-процессуального права"⁴³.

Еще более трудным для историков явилось уяснение сути самой Древнейшей Правды. Смысл большинства статей этого памятника заключен в стремлении внести в процессуально-уголовные традиции древнерусского общества те или иные новации. Однако уже первые строки знаменитого памятника утверждали глубоко архаичный принцип кровной мести: *Оубьеть моужь моужа, то мьститъ братоу брата, или сынови отца, либо отцю сына, или братоучадоу, либо сестриноу сынови. Аще не боудеть кто мьстя, то 40 гривен за голову. Аще боудеть роусинь, либо грдинь, либо коупчина, либо ябетникъ, либо мечникъ. Аще изъгои боудеть, либо словенинь, то 40 гривен положити за нь*⁴⁴. Тема кровной мести, с которой начинается Древнейшая Правда, никак не связана ни с варягами, ни даже с новгородцами. Первая статья касается древнерусского общества в целом. Вместе с тем она всегда молчаливо ставила многих исследователей в тупик: почему становящееся на ноги Древнерусское государство в своем древнейшем законодательном памятнике утверждает в качестве важнейшего положения насчитывающий многие и многие века обычай кровной мести, который, кстати, спустя всего шесть десятков лет сыновья Ярослава сочли возможным отменить совсем. И почему в Древнейшей Правде нет установлений о другом, не менее архаичном обычае устройства судебных поединков, окончательно исчезнувших на практике лишь к середине XVI в.? Между прочим, в свое время отсутствие судебной традиции "поля" В.О. Ключевский использовал для обоснования своего мнения о церковном происхождении Русской Правды, при этом явно закрывая глаза на присутствие в ней языческого обычая кровной мести.

Итак, находясь в молчаливом тупике, ученые лишь добросовестно констатировали, что "согласно мнению, высказанному еще В.Н. Татищевым и подкрепленному Л. Гетцем, нормы Древнейшей Правды отражают раннее время истории Руси, еще до установления государственной власти и принятия христианства"⁴⁵. Из позднейших историков об этом писали Б.Д. Греков и А.А. Зимин, указывая, что Древнейшая Правда сохранила постановления, уходящие корнями в VIII - IX вв., в "седую старину". Причем наряду с такими оценками многие ученые продолжали считать, что Древнейшая Правда - это "новое до сих пор широкой массе населения и судебно - административному аппарату неизвестное"

⁴³ Юшков С.В. Указ. соч. С. 276 - 278.

⁴⁴ Правда Русская. М.; Л., 1940. Т. 1: Тексты. С. 70.

⁴⁵ Российское законодательство X - XX веков. М., 1984. Т. 1: Законодательство Древней Руси. С. 36.

законодательство⁴⁶. В конечном счете тупик оставался и, как откровенно писал об архаизмах Правды Ярослава тот же С.В. Юшков, "почему и как они (древнейшие установления. - *Л.М.*) дошли в составе Краткой Правды и в летописи - все это остается загадкой для читателя"⁴⁷.

Стремясь хоть как-то примирить в Древнейшей Правде глубокую архаику и новации, исследователи пошли по линии фиксации в тексте памятника различного рода "ущемлений" и ограничений кровной мести. Так появилась в историографии концепция бытования на Руси с момента появления Правды " послесудебной мести". Например, М.Ф. Владимирский-Буданов, воспринимая обычай кровной мести как закон, включенный в состав Правды, писал: "В каждом ли случае преступник отдавался на полный произвол мстителя? Думать так не позволяет соединение мести с судом"⁴⁸. Следовательно, месть совершалась с санкции закона. Вместе с тем, ряд ученых пришел к буквальному пониманию первой статьи Правды Ярослава как мести, совершающейся по приговору суда. Например, Н.А. Максимейко считал, что "месть предварительно освящалась авторитетом судебного решения". Более того, этот ученый полагал, что "при осуществлении ее (т.е. мести. - *Л.М.*) потерпевший мог обращаться к помощи органов государственной власти". Таким образом, "приговор суда приводился в исполнение ... личными силами потерпевшего или его родственниками"⁴⁹. Опираясь, как и многие исследователи, на эпизод расправы в 1071 г. с волхвами на Белоозере, недавно более точно датированный В.А. Кучкиным осенью 1073 - весной 1074 г., М.Н. Тихомиров также присоединяется к оценке кровной мести Древнейшей Правды, как такой, которая производилась "по судебному решению"⁵⁰. А.А. Зимин держался, видимо, более нейтральной позиции ("в историко-юридической литературе сложилось мнение, что в период закрепления правовых норм, содержащихся в ст. 1 Краткой Правды, речь шла уже о послесудебной мести")⁵¹. Более гибкой позиции придерживается и Я.Н. Щапов ("Можно предположить, что князь дает свою санкцию на кровную месть, и это положение впервые закрепляется первой статьей Правды Ярослава. Кровная месть ..., таким образом, носит характер переходный от непосредственной расправы рода ... к наказанию, налагаемому и исполняемому государственной властью")⁵². Откровеннее всех общую позицию отечественных историков отразил С.В. Юшков, подчеркнув абсурдность настаивания "на том невероятном положении, что еще при Ярославичах, когда Киевское государство являлось уже феодальным, на Руси

⁴⁶ Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 188; Зимин А.А. Феодальная государственность и Русская Правда // Исторические записки. М., 1965. Т. 76. С. 230 - 240; Юшков С.В. Указ. соч. С. 290. М.Б. Свердлов отвергает предполагаемую Юшковым новизну норм Правды Ярослава, так как видит в этой "новизне" опасность архаизации уровня права на Руси начала XI в. См.: Свердлов М.Б. Указ. соч. С. 83.

⁴⁷ Юшков С.В. Указ. соч. С. 273.

⁴⁸ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. 5-е Изд. Киев, 1907. С. 335 - 336.

⁴⁹ Максимейко Н.А. Мнимые архаизмы уголовного права Русской Правды // Вестник Европы. 1905. Март - апрель. С. 127, 148 - 149; Он же. Опыт критического исследования Русской Правды. Харьков, 1914. Вып. 1. С. 7, 95, 169.

⁵⁰ Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды. С. 75. Примеч. Определяя новую дату поездки Яна Вышатича, В.А.Кучкин опирается на данные дендрохронологии. См.: Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X - XIV вв. М., 1984. С. 64.

⁵¹ Памятники русского права. Вып. 1. С. 87.

⁵² Российское законодательство X - XX вв. Т. 1. С. 50 - 51.

господствовала кровная месть"⁵³. Это ведь только И.Ф.Г. Эверс мог считать кровную месть свидетельством того, что Русь находилась на низшей ступени развития⁵⁴. Правда, в XIX в. и В.И. Сергеевич занял четкую позицию, полагая, что "Русская Правда сохранила указания только на досудебную месть", хотя послесудебная месть и "могла, конечно, встречаться... и у нас, как в ... случае с волхвами", но это были лишь исключения⁵⁵.

Между тем, признав сказание об отмене вир и введение в юридическую практику норм титула XVII Эклоги достоверными фактами истории, можно по-новому интерпретировать и парадоксальное соседство в Правде Ярослава глубоких архаизмов с юридическими новациями. Ведь византийские законы карали за убийство человека казнью мечом, т.е. смертной казнью (XVII. 45, 46)⁵⁶. Следовательно, с вводом Эклоги в действие институт кровной мести на Руси, так сказать, "автоматически" прекратил свое существование, как и сама практика вирных платежей. После какого-то, вероятно, довольно протяженного периода применения в Руси санкций Эклоги вынужденный отказ Владимира от византийских норм физических наказаний в виде отсечения носа, руки, языка, избия плетьюми, острижения, изгнания и смертной казни вернул юридическую практику к старым нормам платежа виры и продажи. Каков был по форме отказ от норм Эклоги, мы не знаем. Но скорее всего, после этого отказа все-таки создалась ситуация неопределенности, дававшая почву для своеволия в практике наказаний со стороны тиунов и волостелей (ведь недолгий, но все же порядок был нарушен!). В целях преодоления этой своего рода юридической нестабильности, возможно, и была создана Правда Ярослава.

Первая статья Правды Ярослава возвращала к прежней традиции и именно поэтому она вынужденно декларировала общее положение о кровной мести. Но поскольку целью реставрации была не сама кровная месть, а возвращение к практике взимания вир и продаж, то древнерусские юристы прежде всего резко ограничили круг родственников - мстителей двумя поколениями (брат за брата, отец за сына, сын за отца и, вероятно, племянник за дядю). Новация эта не должна рассматриваться исходя из признания постепенного отмирания обычая (как до сих пор), так как сам он уже давно, видимо, был на излете и возврат к нему обусловлен не живучестью кровной мести и не стремлением жить "по устроению отню и дедню", а соображениями фиска. Можно лишь по-прежнему спорить, была ли плата головничества, когда названных в Правде мстителей не было. Следуя предлагаемой в настоящей статье новой логике событий, можно думать и о том, что в Правде даны лишь платежи в пользу князя⁵⁷. Хотя вторая часть статьи и перечисляет лиц, выделяемых

⁵³ Юшков С.В. Указ. соч. С. 71.

⁵⁴ Эверс И.Ф.Г. Древнейшее русское право. СПб., 1835.

⁵⁵ Сергеевич В.И. Указ. соч. С. 372 - 378.

⁵⁶ Эклога. С. 72.

⁵⁷ В литературе последних лет высказывается суждение о том, что цифры 3, 7, 12, 40 являются сакральными числами, соотносенными в христианстве с библейской, богословской и богослужебной традициями. См.: Кириллин В.М. Символика чисел в древнерусских сказаниях XVI в. // Естественнонаучные представления Древней Руси. М., 1988. Стоит вспомнить, что М.Ф.Владимирский-Буданов считал штрафы в Древнейшей Правде размером в 3, 12 и 40 гривен обобщенными в своей сути, поскольку величина штрафа подчас была одинакова при совершенно различном материальном ущербе потерпевшего. Это важнейший аргумент, позволяющий считать, что в Правде Ярослава фигурируют лишь штрафы в пользу князя - казны. См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 20. В новейшей работе М.Б.Свердлова также отстаивается мысль о том, что в Правде Ярослава фигурируют платежи "в пользу князя". Свердлов М.Б. Указ. соч. С. 50 и др.

княжеской властью, как лиц, убийство которых непременно карается вирой в 40 гривен, таких случаев было, очевидно, не так много, чтобы срочно пополнить казну.

Наконец, наиболее важным моментом нашего исследования является попытка выяснить, как создавалась сама Правда Ярослава, или Древнейшая Правда. Иначе говоря, какова была взаимосвязь и последовательность событий. Одно из выявлений отрицательной, хотя и тесной взаимосвязи первой статьи Древнейшей Правды и опрометчивой реформы Владимира по введению византийских норм уголовного права здесь мало. Следовательно, необходимо уяснить, а была ли эта своеобразная и невидимая доселе взаимосвязь у титула XVII Эклоги и большинства статей Древнейшей Правды? Приступая к этой задаче, оговорим одну немаловажную деталь. По летописи, возврата к старой системе штрафов потребовали не только "старцы", но и "епископы", которые сами инициировали ее отмену. Анализ структуры древнерусской версии титула XVII Эклоги убедительно показывает, что Владимир при введении норм византийского уголовного права расширил сферу действия реформы и на нормы половой морали. Но, вероятно, на каком-то этапе начался отход от применения византийских законов и результатом этого отхода, хотя и непоследовательного, явился Церковный Устав Владимира, явно связанный с Эклогой. Весьма вероятно, что глухой отзвук этого шага Владимира и отразился в летописной легенде в виде требования епископов возвратиться к штрафам. Текст Церковного Устава в наиболее архаичном варианте Оленинской редакции очень сложен и является, вероятно, заключительным вариантом, суммирующим несколько ранних постановлений⁵⁸. Упоминание в тексте княгини Анны позволяет полагать, что первые льготы церкви, в том числе и сборы от судов, даны были в конце X - начале XI в. (до ее смерти в 1011 г.). Вполне возможно, что тогда византийские наказания еще действовали и поэтому перечисленные в Уставе разновидности преступлений, "отныне" переходящие в компетенцию церковного суда, указаны без конкретных мер наказания. Но для данного поиска важно понять, что создатели Древнейшей Правды были уже ориентированы лишь на конструирование некоего собрания светских законов.

Итак, какую же роль сыграли нормы титула XVII Эклоги при разработке юристами Древнейшей Правды? Дабы облегчить разбор этой темы, приведем реестр сопоставлений "номинаций" светских законов титула XVII Эклоги (в той последовательности, которая дана в древнерусском ее переводе) с соответственными номинациями Правды Ярослава (см. таблицу 2)⁵⁹.

Таблица 2
"Номинации" XVII титула Эклоги и Правды Ярослава

Эклога	Правда Ярослава
(порядок статей древнерусской редакции)	
4 О предумышленном убийстве (ст. 45)	1. <i>Убьет муж мужа, то мстити...</i> 4. <i>Аще утнетъ мечем, а не вынем его, любо рукоятю..</i> 5. <i>Оже ли утнетъ руку... Аще будет нога цела...</i>
5 Об ударившем мечом и убившем или ранившем	6. <i>Аще ли перст утнетъ...</i>

⁵⁸ См.: Российское законодательство X - XX вв. Т. 1. С. 139 - 140.

⁵⁹ Эклога. С. 68 - 75; Правда Русская. Т. 1: Тексты. С. 70 - 71.

потерпевшего (ст. 46)	7. А во усе... а в бороде.. 8. Оже ли кто вынезь меч, а не тнеть...
7 О наказании за драку (схватку), в итоге которой случилась смерть от удара дубиной или тяжелым камнем, или от удара ногой. Особо учтена смерть от удара легким предметом (ст.47)	3. Аще ли кто кого ударить батогом, любо жердью, любо пястью, или чашею или рогом...
8 О наказании за драку, повлекшую смерть от удара рукой (ст. 48)	3. (Аще ли кто кого ударить)... или тылеснию.. 2. Или будет кровав или синь надъражен.. 9. Аще ли ринеть муж мужа любо от себе любо к себе..
6 О наказании за смерть раба от плетей или битья палкой, а также от истязаний, от яда или от огня(ст. 49)	Нет параллели
27 О наказании разбойников и нападающих из засады (ст.50)	1. О убьеть муж мужа,... то мстити...
28 Об угоне чужого стада (ст. 13)	Нет параллели
29 О самовластном решении судебной тяжбы (ст. 5)	13. Аще познает кто не емлет его, то не рци ему: мое, но рци ему тако: поиди на свод.. 14. Аже где възъщит на друзе проче...
32 О поджигателях в городе (воров или враждующих) (ст.41)	Нет параллели
34 О краже свободного человека (ст. 16)	Нет параллели
35 О краже и сманивании чужого раба (ст. 17)	15. Аще кто челядин пояти хоцет, познав свой, то к оному вести, у кого то будет.. 10. Аще ли челядин съкрывається любо у варяга, любо у колбяга...
36 О воровстве в походе или в лагере оружия или коня (ст. 10)	12. Аще поиметь кто чюжь конь, любо оружие, любо порт...
37 О воре какой - либо вещи (с вариантами ситуаций) (ст. 11)	13. Аще познает кто не емлет его, то не рци ему: мое, но рци ему тако...
38 О владельце раба - вора (ст. 12)	16. Или холоп ударить свободна мужа а бежить...
43 О фальшивомонетчиках (ст. 18)	Нет параллели
46 О поджоге и рубке чужого леса (ст. 40)	Нет параллели
47 О запершем чужой скот и погубившем там его (ст. 8)	Нет параллели
48 О схватке баранов и быков разных владельцев со смертельным исходом (ст.9)	Нет параллели
49 о взявшем чужого коня до определенного места (ст. 7)	11. Аще кто поедет на чужом коне не прошав его...

Общее впечатление от сопоставления светских законов Эклоги и норм Правды Ярослава однозначно: тематика установлений Эклоги была в существенной мере использована древнерусскими юристами при создании Древнейшей Правды. Отвергнутый византийский свод послужил основой для разработки местными юристами своих законов с применением уже местных, традиционных наказаний (Закона Русского)⁶⁰. При этом не лишено оснований

⁶⁰ Новейшим исследованием соотнесения правовых норм Русской Правды в различных ее редакциях и прежде всего Древнейшей Правды с Законом Русским является работа М.Б.Свердлова "От Закона Русского к Русской Правде" (М., 1988).

и предположение, что под рукой юристов был не столько греческий текст, сколько древнерусский перевод титула XVII Эклоги, ибо за некоторыми исключениями порядок следования сюжетов преступлений у Правды Ярослава схож именно с древнерусской редакцией Эклоги. Например, ее четвертая "глава", посвященная преднамеренным убийствам, может быть соотнесена с первой статьей Правды (*Аще убьеть муж мужа, то мститъ...*). Далее, "глава" 5 (удар мечом и его различные последствия для потерпевшего) вполне сопоставляется с целой цепочкой следствий от опрометчивого действия мечом вспыхнувшего гневом в ходе ссоры человека. Причем очень важно, что все эти статьи в Правде Ярослава, как и в греческом тексте Эклоги, следуют более или менее целостной серией сразу же после статьи о преднамеренном убийстве. В Правде Ярослава - это статьи 4, 5, 6, 7 и 8 (удар мечом в ножнах, удар рукоятью меча как особо опасное действие, удар обнаженным мечом, приведший к ранению руки, к ранению ноги с последующей хромотой, потеря от удара мечом пальца руки, потеря уса или бороды, наконец, статья о простой угрозе обнаженным мечом). Разница лишь в том, что в древнерусском законе нет деления на умышленное и неумышленное убийства (они в Правде все включены в первую статью). Поэтому статьи 4, 5, 6, 7 и 8 посвящены несмертельным следствиям удара мечом.

В "главе 7" древнерусской версии Эклоги рассмотрены смертельные следствия от ударов, нанесенных разными подручными предметами. В Правде Ярослава ей соответствует статья 3, где рассмотрены несмертельные следствия от ударов примерно теми же предметами (сходство очень большое). Отличие древнерусского законодательства заключается в предельно развитой детализации, за которой помимо традиции, очевидно, скрывался фискальный интерес. В том же соотношении находится "глава 8" (смерть от удара рукой во время драки или схватки), с одной стороны, и детализация несмертельных последствий от ударов рукой или вообще драки - с другой. В третьей статье удар тыльной стороной ладони руки, следствия драки или избиения во второй статье: *или будет кровав или синь надъражен*⁶¹, толчки друг друга в ссоре из 9-й статьи).

Другая четко сопоставимая серия преступлений фигурирует в древнерусском переводе титула XVII как главы 35, 36, 37 и 38. С ней может быть соотнесена уже менее компактная группа статей Древнейшей Правды (ст. 10, 12, 13, 15 и 16). Первая из них о краже и сманивании чужого раба четко соответствует ст. 15 Правды Ярослава. Отличие здесь чисто внешнее. Древнерусский текст не торжественно формален, а только подразумевает самую суть: челядин уже украден, хозяин разузнал, где он. Исходя из этого и следует текст статьи. Сюда же может быть отнесена и ст. 10. Она тоже лишена формализма и молчаливо исходит из реальной ситуации (варяги часто сманивали холопов и челядь и они бежали к ним). Очень явно прослеживается сходство сюжетов "главы 49" (ст. 7) и статьи 11 Правды Ярослава.

В Эклоге речь идет о взявшем коня для поездки до определенного места, но уведшем его дальше этого пункта, притом конь или погиб или ему был причинен какой-либо вред. В Правде Ярослава, как известно, речь идет о том же, но в более обобщенной форме (*Аще кто поедеть на чюжемъ коне, не прошавъ его...*)⁶². Определенное сходство есть даже между

⁶¹ Правда Русская. Т. 1: Тексты. С. 70.

⁶² Там же.

"главой 38" (ст. 12 Эклоги) и ст. 16 из Древнейшей Правды. В первой разбирается мера ответственности рабовладельца за действия раба-вора. Во второй также рассмотрена ответственность холоповладельца, но лишь за наглую дерзость холопа (удар, нанесенный свободному человеку).

Сравнивая тексты того и другого памятника, можно проследить и более сложную связь, когда сходны не только виды преступлений, но и некоторое сходство в процессуальных моментах. Так, "глава 36" перевода (ст. 10 Эклоги) рассматривает вопрос о воровстве в обстановке военного похода или в походном лагере (пропажа оружия или коня)⁶³. Впрямую с ней совпадает статья 12 Правды Ярослава (*Аще поиметь кто чюжь конь, либо оружие, либо порт...*)⁶⁴. В обоих случаях предусмотрена мера наказания (в Эклоге наказание плетью за оружие и отсечение руки за коня; в Правде Ярослава - возврат вещи и штраф в три гривны). Но в Правде Ярослава эта общая формулировка имеет уточнение в двух иных текстах. Это статьи 13 и 14, выполняющие процессуальную функцию. Однако самое примечательное в том, что даже процессуальные, сугубо местные детали имеют своего рода "отзвук" в тексте Эклоги. Сопоставим эти тексты:

Эклога	Правда Ярослава
XVII. 5. Если кто-либо имеет тяжбу с кем-либо, и, не сказав властям, но самовольно, либо своей властью, либо с приложением силы, наложит руку и захватит что-либо, то, если его притязания правильны - он лишится своей вещи и отдаст ее. Если же он забрал что - либо чужое, то да будет избит местным архонтом... и затем возвратит за это то, что он взял ⁶⁵	13. <i>Аще познает кто, не емлеть его, то не рци ему: мое. Но рци ему тако: поиди на свод, где еси взял; или не поидет, то поручника за 5 дней.</i> 14. <i>Аже где взыщет на друзе проче, а он ся запирати очннеть, то ти ему на извод пред человека...</i> ⁶⁶

Эти тексты объединяет идея предупреждения самосуда. Более того, юристы Правды Ярослава, как бы отталкиваясь от текста Эклоги, где наказывается самовольный без уведомления властей возврат похищаемой вещи, развивают этот механизм предупреждения по-своему ("аще познает кто" украденную у него вещь, то "не емлеть его", т.е. либо коня, либо оружие, либо какую - нибудь вещь. И далее: *То не рци ему* (не говори ему. - Л.М.) : *мое, но рци ему тако: поиди на свод...* и т.д.). Последующая статья 14 также развивает и детализирует процессуальные аспекты поиска украденного. Пожалуй, не имеет параллели с Эклогой лишь ст. 17 Правды Ярослава (о порче позаимствованной чужой вещи), однако она скорее всего является более поздним добавлением в текст памятника.

Итак, проведенное исследование, на наш взгляд, подтверждает, что крещение Руси в конце X в. поставило общество перед необходимостью принять не только христианские религиозно-идеологические догматы, но и тщательно разработанную обширную систему церковного и переплетающегося с ним светского права, касающуюся не только всех слоев

⁶³ Эклога. С. 69.

⁶⁴ Правда Русская. Т. 1: Тексты. С. 70. Разбирая ст. 12 Правды Ярослава наши ученые смутно догадывались о том, что здесь чувствуется византийское влияние (Д. Дубенский, И.Д. Беляев, М.Ф. Владимирский-Буданов и др.). Однако в работе М.Б.Свердлова вновь отстаивается "автохтонность" этой статьи. См.: *Свердлов М.Б.* Указ. соч. С. 62.

⁶⁵ Эклога. С. 68.

⁶⁶ Правда Русская. Т. 1: Тексты. С. 71.

клира, но и мирян (особенно в сфере семейно-брачных отношений, наследственного права и т.п.). Стремясь упрочить положение церкви на Руси, византийские миссионеры из высших кругов церковной иерархии предприняли решительные шаги и в области рецепции римско-византийских юридических основ социального бытия. Отлично понимая глубину цивилизационных различий византийского и древнерусского социумов, епископы Владимира Святославича прибегли к помощи уже устаревших византийских юридических кодификаций. Причем к практической реализации их на русской почве привлечены были наиболее простые, как бы более доступные варварскому, в их глазах, народу, области права, т.е. прежде всего уголовное право (титул XVII Эклоги). И тем не менее судебная реформа Владимира по введению системы физических уголовных наказаний оказалась опрометчивой и закончилась провалом. В основе этого провала лежали, видимо, стратегические просчеты в недооценке природы древнерусского социума, как имеющего лишь минимум совокупного прибавочного продукта, чья государственная политическая надстройка сугубо специфична даже для раннефеодального общества и имеет мало аналогий с византийской государственной машиной. Кроме того реформаторы сделали просчеты, касающиеся недооценки громадной инерции в ментальности общества. Тем не менее Владимир Святославич проявил незаурядное мужество и государственную мудрость, сумев отказаться от преждевременных новаций и в какой-то мере вернуться к старым судебным порядкам.

При всей неясности деталей возврата к старой практике борьбы с грабежом и убийствами, вполне очевидно, что наиболее кардинальным шагом на этом пути (причем шагом, ведущим не только к прошлому, но и будущему) явилась Древнейшая Правда, или Правда Ярослава. Время ее появления по-прежнему определить трудно. Но скорее всего Новгородская первая летопись младшего извода в неузнаваемо искаженном виде донесла до нас информацию об одном из первых важных государственных актов нового киевского князя Ярослава Владимировича, который сумел в своеобразном своде рассчитанных на всю Русь древнерусских законов учесть и заслуги новгородцев, способствовавших достижению им киевского стола.

Создание Правды Ярослава знаменовало качественно иной этап в попытках рецепции византийского права. Отныне древнерусские юристы почти навсегда отказались от буквального копирования чужеземных законов и правил. Теперь они ими лишь руководствовались, вырабатывая свои, местные законы и установления, сохраняя невидимое влияние чужеземных сводов на общие принципы выбора объектов юридической проработки, структуры местных юридических сводов и лишь в некоторых случаях прибегали к параллельному дублированию юридических казусов. Найти следы столь умной и творческой работы, разумеется, не столь легко. Может быть, поэтому, когда историки прошлого, ориентируясь обычно на тривиальные текстовые и смысловые совпадения, никогда не проявляли единодушия в поисках того или иного иностранного влияния. Часть из них, придерживаясь общих концепций, скажем, скандинавского или германского влияния на Русь, опирались на те или иные конкретные аналогии. Это однако не мешало им претендовать на выводы общего характера (Струбе де Пирмонт, Н.М. Карамзин, Ф.Л. Моршкин, М.П. Погодин, Л.К. Гетц, Е.Н. Щепкин, Е.Ф. Карский, А.Е. Пресняков и др.). Другая часть историков права придерживалась общей концепции фундаментального влияния на Русь

Византии и усматривала в текстах разных редакций Русской Правды византийское и римско-византийское влияние (Н.В. Калачев, Д.Е. Дубенский, И.П. Беляев, А.А. Сухов, В.И. Сергеевич, М.Ф. Владимирский-Буданов, М.Д. Дьяконов, Н.А. Максимейко и др.). Разумеется, в литературе встречались и работы, отрицающие византийское влияние (Д. Голенищев-Кутузов, Е. Черноусов и др.). Советские историки в основном также придерживались позиции отрицания его (как, впрочем, и скандинавского). Наиболее решительные высказывания принадлежат С.В. Юшкову, подчеркивавшему "полное несоответствие основных принципов русского права эпохи Русской Правды и византийского права"⁶⁷. Между тем, такое влияние Византии, как показывает данное исследование, было. Осуществлялось оно отнюдь не столь просто⁶⁸. И тоньше всего специфику этого влияния подметил в свое время В.О. Ключевский. Он писал, что "составитель Русской Правды, ничего не заимствуя дословно из памятников церковного и византийского права, однако руководился этими памятниками. Они указывали ему случаи, требовавшие определения, ставили законодательные вопросы, ответов на которые он искал в туземном праве"⁶⁹.

L. V. MILOV

**LEGGENDA O REALT? ? (SULLA RIFORMA
SCONOSCIUTA DI VLADIMIR E SULLA
PRAVDA DI JAROSLAV)**

(RIASSUNTO)

Venti anni fa l'autore di questo articolo, sulla base dell'analisi del carattere del lessico, ? riuscito a provare che il testo di un codice bizantino di leggi dell' VIII secolo (*Ecloga*), conosciuto sotto il nome di ??Leona i Costantina Vernaja Cesaria?? nella composizione del ??Merilo Pravednoje??, non ? altro che la traduzione completa del manoscritto fatta nell' antico stato russo.

Alla fine del X secolo, il principe Vladimir Sviatoslavovic, effettu? una riforma importantissima delle sanzioni penali che serv? come base giuridica al codice di leggi bizantine (*Ecloga*). A tal fine venne eseguita, molto probabilmente, la traduzione del Codice in russo antico. L'analisi della struttura dell' antica traduzione russa permette di concludere che questa riforma fu un tentativo di introdurre delle norme giuridiche bizantine in difesa della moralit? e dell'etica cristiana della chiesa e del clero. Ma il velocissimo passaggio alla pratica delle punizioni bizan-

tine ? fallito per l'esaurimento dell'erario del principe. Nonostante ci? la riforma ha influenzato molto la futura legislazione dell' antica Russia e ci richiama la famosa Pravda di Jaroslav o Legge Antichissima. Il confronto delle leggi secolari, dell' *Ecloga* e delle norme della legge di Jaroslav ci fa sostenere che il respinto codice bizantino servisse da fondamento ai giuristi locali per l'elaborazione di proprie leggi, usando le pene tradizionali locali.

La creazione della Pravda di Jaroslav signific? una tappa completamente diversa per i tentativi di ricezione del Diritto bizantino. I giuristi della Russia antica rifiutarono quasi sempre la recezione letterale di leggi straniere, conservando il loro impercettibile influsso sui principi generali nel selezionare gli oggetti della codificazione giuridica e solo in alcune circostanze, utilizzarono lo sdoppiamento parallelo dei casi del Diritto.

⁶⁷ Юшков С.В. Указ. соч. С. 365.

⁶⁸ См.: Милов Л.В. Происхождение Пространной Русской Правды... С. 18 - 29.

⁶⁹ Ключевский В.О. Соч. в восьми томах. М., 1956. Т. 1. С. 211.